

тельно не знаетъ, чѣмъ ему руководствоваться,—слышанными ли отъ стариковъ изреченіями народной мудрости: „какъ допрежь живали дѣды и отцы и какъ намъ приказывали жить“,—или авторитетными указаніями писаря на законы?

Я не говорю, что всѣ писаря всегда толкуютъ фальшиво законы, но при нѣкоторой беззащитности самыя невѣроятныя штуки могутъ сходить съ рукъ единственному умственному во всей волостной администраціи челоѣку. Хотя и не всѣ такія продѣлки съ закономъ удаются по мужикъ въ теченіе своей жизни успѣваетъ тысячу разъ убѣдиться на дѣлѣ, что начальство—въ одномъ случаѣ—примѣняетъ одинъ законъ, въ другомъ, совершенно подобномъ случаѣ—другой законъ и т. д.; отсюда происходитъ стремленіе упробить администрацію примѣнить къ данному случаю какой-нибудь законъ полегче, а всякій проситель твердо памятуетъ пословицу: „сухая ложка и ротъ деретъ“.... Послѣдствія такого положенія вещей понятны.

Однако, кромѣ ближайшаго, непосредственнаго толкователя законовъ—писаря, надъ волостными судами тяготѣетъ еще другой, болѣе авторитетный и поэтому болѣе опасный для самостоятельности судовъ толкователь: это—уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Писарь въ поступкахъ своихъ руководствуется, главнымъ образомъ, матеріальнымъ разсчетомъ: дана ему мѣра пшена—попранъ обычай, торжествуетъ „законъ“; въ другомъ, однородномъ съ этимъ, случаѣ—пшено на сцену не появлялось—и писарю нѣтъ никакой цѣли, никакого разсчета производить давленіе на судей; словомъ, принципъ не играетъ въ данномъ случаѣ никакой роли, и отдѣльныя злоупотребленія писарей, не будучи, такъ сказать, систематизированы, никакъ не могутъ производить такого же эффекта, какой производитъ сознательное подчиненіе одного начала другому, осмысленный рядъ мѣропріятій, имѣющихъ одну цѣль, — словомъ, какъ дѣятельность уѣздныхъ присутствій.

Уѣздныя присутствія суть, по закону, кассаціонныя инстанціи для обжалованія рѣшеній волостного суда; апелляціонной инстанціи для той же цѣли реформа 1861 года не учредила, а возложила на кассаціонную обязанность стѣдить за ненарушеніемъ волостными судами, съ одной стороны—общихъ существующихъ законовъ, и съ другой—предѣловъ компетенціи. Отсутствіе посредствующей инстанціи между этими двумя сословными учрежденіями—волостнымъ судомъ и крестьянскимъ присутствіемъ (кому же неизвѣстно, что крестьянскія присутствія только по названію крестьянскія, а въ дѣйствительности, по составу своихъ